

Tadeusz Osuch

О судьбе ссыльных польских литераторов в Грузии во второй трети XIX века : Тадеуш Лада-Заблоцкий

Acta Polono-Ruthenica 7, 15-23

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Tadeusz Osuch
Instytut Neofilologii
Pomorska Akademia Pedagogiczna

О судьбе ссыльных польских литераторов в Грузии во второй трети XIX века. Тадеуш Лада-Заблоцкий

Представляется несомненным тот факт, что на Кавказе, в частности, в Тбилиси как центре культурной жизни Закавказья с конца 30-х годов XIX века примерно до середины 50-х, функционировал целый филиал польской литературы – литература кавказского изгнания.

Первая волна ссыльных поляков на Кавказ – „наполеоновская” – состояла из пленных офицеров и солдат, воевавших в наполеоновских войсках. Известны их мемуары, но в ту пору никакой писательской группы не возникло.

В ранних польских и советских работах считалось, что польскую кавказскую поэзию и прозу создали сосланные после ноябрьского восстания 1830 года. Однако в дальнейшем было уточнено, что хотя участники восстания направлялись рядовыми в Кавказский корпус, заметного следа в литературе они не оставили. Тогда условия службы были крайне тяжелыми, поляки сотнями гибли в горах, и возможности для возникновения литературной среды не было. Через много лет появились их отдельные воспоминания.¹

Основное ядро литературного круга составили сосланные по заговору казненного в 1839 году Шимона Конарского. В то же время, как выясняется по многим фактам, ведущие фигуры среди кавказских литераторов были сосланы по другим делам. Далее по значению идут некоторые „списки” политических дел, в связи с которыми чуть раньше или чуть позже ссылались в основном студенты, чаще всего члены Содружества Польского народа.

¹ D. Ossowska, *O poezji zesłańców kaukaskich*, [w:] *Z dziejów kontaktów polsko-rosyjskich i polsko-radzieckich*, Olsztyn 1989, s. 23–41. Все цитаты на польском языке даются в нашем переводе – Т. О.

Последняя волна – это сосланные после 1844 года по так называемому „списку” ксендза Петра Сцегенного, проводившего революционно-демократическую пропаганду среди крестьян. После 1845 года были сосланы лишь отдельные ссыльные.

Казимеж Заводзински в работе о Тадеуше Ладе-Заблоцком метко назвал Кавказ „сборным пунктом всех бунтарских или хотя бы прогрессивных, демократических нонконформистских элементов николаевской Евразии”.² Этот „сборный пункт” оказался мощным генератором творческих сил, соединив на определенное время – чаще всего длительное – в основном в Тбилиси грузинскую интеллигенцию и декабристов, виднейших писателей, связанных с декабристами (А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова – Т. О.) польских ссыльных, армянскую, отчасти азербайджанскую интеллигенцию. Вряд ли еще можно назвать столь яркий культурный центр, возникший в таком составе по высочайшей воле, и давший известные всему миру художественные творения.

Невзирая на разные пути, которые привели ссыльных поляков в кавказские полки, эти люди были объединены некоей родственной метой. Ян Рейхман в работе, посвященной первым польским ориенталистам эпохи А. Мицкевича, дал характеристику национальной интеллигенции того поколения, в том числе и „кавказцев”: „Поколение романтиков, «благородных революционеров», поколение филоматов и филаретов, бунтующих байронистов воплотилось в людей способных, эмоциональных и порывистых, в сильные индивидуальности, соединявшие сердечность и глубокий ум, дало поэтов и мыслителей, энтузиастов... и мечтателей, полных любви и воодушевления, ищущих переживаний неординарных и испытаний необыкновенных, желающих завоевать весь мир огнем своего жара”.³ Уточним, что среди этого поколения выделялись „конарщики”, участники самого радикального и самого обреченного по своей дерзости заговора периода между восстаниями. Их объединяли, помимо общего патриотического порыва, происхождение из окраинных земель Польского Королевства, общественные взгляды и университетское (часто прерванное арестом) образование, получаемое с трудом из-за ограниченных средств.

² K. Zawodziński. *W stulecie romantycznego tomu poezji*, „Twórczość”, 1946, nr 10, s. 127.

³ J. Reychman, *Zainteresowania orientalne w kręgu Mickiewicza w Wilnie i Petersburgu*, [w:] *Szkice z historii polskiej orientalistyki*, Warszawa 1957, s. 51.

Однако принимая характеристику Рейхмана, нужно иметь в виду существенную деталь. Рейхман определил черты поколения на его взлете. Люди, прибывшие на Кавказ, эти „необыкновенные переживания” испытали на себе. В годы ссылки, иногда сразу же после приговора, они осознали жизненный поворот как крах всех юношеских надежд, как несбыточую судьбу. И все их искания обретают иную тональность – трагическую.

Все, кто составил кавказский филиал польской литературы, ощущали себя изгнанниками. Это клеймо неудачи не просто пронизывает их наследие, но составляет его типологическую основу.

Поражает разносторонность интересов поляков, писавших на Кавказе – поэзия, проза, переводы, изучение языков, этнография, музыка, география, биология. Достаточно назвать имена Тадеуша Лады-Заблоцкого, Леона Янишевского, Владислава Стшельницкого, Войцеха Потоцкого, позже Матеуша Гралевского, Казимежа Лапчинского, Михала Бутовт-Анджейковича. Вокруг них располагаются другие четкие или менее четкие фигуры. Мечислав Инглот приводит список из 37 имен ссыльных, оставивших след в литературе.⁴ К этому списку можно добавить, на наш взгляд, еще двое имён: Хугона Корсака и Константина Заха, они упоминаются в письмах „кавказцев” и не названы у Инглота.

Время прибытия большинства – между 1831 и 1845 годами.

В группе кавказских литераторов и по роли, и по поэтическому дарованию первое место принадлежит Тадеушу Ладе-Заблоцкому. Его судьба и ранняя смерть во многом напоминает судьбу большинства польских „кавказцев”. Он был фигурой, пытавшейся не только объединить литераторов и оказать им посильную помощь в публикации, но и представить писавших на Кавказе как некое сообщество. Поэт родился в Витебской губернии в 1813 году в обедневшей дворянской семье. По установленным Яном Рейхманом данным, поступил не в Виленский университет, как считали ранее, а на словесное отделение Московского университета.⁵

С этим периодом и связана история его ареста. Вокруг нее распространялись самые разноречивые мнения, но почти детективные изыскания позволили установить факты. В 1946 году появилась

⁴ M. Inglot, *W drodze na Kaukaz*, „Acta Universitatis Vratislaviensis”, 1979, s. 113–120.

⁵ J. Reychman, *Wyjaśniona zagadka zapomnianego poety-spiskowca*, „Twórczość”, 1954, nr 6.

статья К. Заводзинского *В столетие романтического тома поэзии*, в которой впервые был проведен анализ творчества Заблоцкого, а также его включение в основную линию польского романтизма.⁶ Автор статьи делал разные предположения по поводу отъезда поэта на Кавказ, не исключая несчастной любви, карточного долга или даже добровольного решения поступить в армию.⁷

На предположения Заводзинского буквально накинута Ян Дюрр-Дюрский, написавший, что мысль о добровольном решении связать себя с царским войском психологически неправдоподобна, а домыслы о картах дискредитируют образ поэта.⁸

Разгадка ареста Заблоцкого принадлежит Михаилу Полякову. В своей статье *Студенческие годы Белинского*⁹ он утверждает, что Лада-Заблочкий входил в „Кружок II номера”. Он фигурирует в полицейских актах относительно В. Г. Белинского. Выяснилось, что в 1833 году власти обнаружили у одного из витебских гимназистов бунтарское стихотворение, направленное против царя. Те, у кого стих обнаружили, указали на автора – студента Заблоцкого. Стихотворение, вернее две последние его строфы, в подстрочном переводе приводит Д. С. Прокофьева:

Едва уходит ночи тень,
Едва рассветает новый день,
Уже летает страх указов,
Невинному грозит кнут,
И в рекруты идет Лях,
А /из/ Сибири бешеный пес
Еще издевается над нашими слезами.
Ад для нас царский трон.
На нем сейчас восседает черт,
Едва достойный виселицы.
Месть, братья, или гибель!¹⁰

Смысл, вытекающий из его содержания, в комментариях не нуждается. Подробно историю следствия над Заблоцким воссоздал

⁶ K. Zawodziński, op. cit., s.121–135.

⁷ Ibidem.

⁸ J. Durr-Durski, *Tadeusz Łada-Zabłocki spod przemalowań biograficznych*, „Twórczość”, 1947, nr 7/8.

⁹ М. Поляков. *Студенческие годы Белинского*, „Литературное наследство”, т. 56, Москва 1950.

¹⁰ Д. Прокофьева, *Об одном стихотворении Тадеуша Лады-Заблоцкого*, „Советское славяноведение”, 1976, № 4.

Ян Рейхман¹¹, а в новых деталях факты восстановила Мария Янион¹², опираясь на изыскания Владимира Дьякова.¹³

О тексте стихотворения и его антиправительственном содержании было доложено лично шефу жандармов, главному начальнику 3-го отделения, Александру Бенкендорфу. Заблоцкий был арестован в Москве в июне 1833 года и под конвоем доставлен в Витебск. Есть сведения о „чистосердечном раскаянии”, но и о „несомненной вине”. Лишь в 1837 году был вынесен весьма суровый приговор: Т. Ладу-Заблоцкого и двух его друзей (З. Михаловского и Е. Смолича – Т.О.), которым инкриминировалось „оскорбление его величества дерзкими словами в письмах, написанных собственноручно”, присудить к лишению имущественных прав с ссылкой на тяжелые работы.¹⁴ Высочайшим повелением приговор был смягчен: „Трех первых сослать рядовыми в Кавказский корпус и направить в разные батальоны”. Так, по словам М. Янион, для Заблоцкого „начинается тот раздел жизни, который, как впрочем и во многих подобных случаях, можно назвать: Стих и Приговор”.¹⁵

Когда Заблоцкий позже скажет, что поэзия для него – лишь вынужденное убежище, можно считать это поэтическим преувеличением и утверждать, что Поэзия – его Судьба.

К. Заводзинский, который упоминается раньше, лишь предполагал, что Заблоцкий, обучаясь в Московском университете одновременно с Белинским, Герценом, Огаревым, Сунгуровым и другими центральными фигурами эпохи, мог быть с ними знаком.¹⁶ М. Поляков настолько включает Заблоцкого в московскую студенческую жизнь, что относит именно к нему слова А.И. Герцена в *Былом и думах* о польском студенте.

В Москве Заблоцкий поддерживал контакты не только с кружком Сунгурова, но и с бывшим филоматом, другом Мицкевича,

¹¹ J. Reychman, op. cit.

¹² M. Janion, „Rozbitych harf niedomówiony dźwięk”, „Twórczość”, 1986, nr 3.

¹³ W. Dżakow, *Tadeusz Łada-Zabłocki a studenckie Polskie Towarzystwo Literackie w Moskwie w świetle nowych materiałów archiwalnych*, „Pamiętnik Literacki”, 1978, nr 2.

¹⁴ Ibidem. s. 185.

¹⁵ M. Janion, op. cit., s. 76.

¹⁶ K. Zawodziński, op. cit., s. 126.

ориенталистом Яном Верниковским и другим многолетним другом Мицкевича – профессором Юзефом Ежовским.

Вся история учебы и ареста Заблоцкого очень поучительна, она говорит о многом. С одной стороны, еще раз на практике подтверждается тот тезис, что вольнолюбивые поляки, ненавидящие царизм, находятся в теснейших контактах с самыми выдающимися русскими деятелями своей эпохи. Таким образом России, противоборства и единства с ней, – одна из существенных в творчестве „кавказцев” – возникает естественно и имеет прочную основу. Поляки и русские связаны кровно, они проходят по одним и тем же политическим делам.

С другой стороны, на практике подтверждается взаимосвязанность интеллигенции разных стран. Студент из Витебска отстоит на „одно рукопожатие” от Мицкевича – через его близких друзей. Пройдет время, и судьба свяжет его перепиской с другим классиком – Ю. Крашевским. В ссылке он попадает в круг Александра Чавчавадзе и Николоза Бараташвили – выдающихся писателей Грузии той поры. Таким образом, Заблоцкий оказывается связующим звеном между как будто бы непересекающимися мирами. Подобные казусы связаны и с другими „кавказцами”.

Кавказская география Заблоцкого весьма сложна. Уже осенью 1838 года он, успев проехать через Северный Кавказ, служит в Царских Колодцах (сто десять километров от Тбилиси – Т. О.). Но в промежутке он бывал в Тбилиси и именно тогда завязалась его дружба с писателем, князем Михаилом Туманишвили. Отметим, что грузинская тема в воспоминаниях и творчестве ссыльных поляков часто сплетается органически с кавказской, Кавказ и Грузия не всегда четко разграничены, им приходилось служить в самых разных местах. При этом, безусловно, в центре интересов поляков всегда находилась Грузия и ее столица – Тбилиси.

Судя по письмам Заблоцкого, он тяготился военной службой и карьера его не привлекала. В этом нет ничего удивительного, такова позиция ссыльных. Среди почти всех поляков война с горцами была непопулярной, они считали борьбу черкесов, чеченцев и всех, с кем им приходилось воевать, справедливой.

После Царских Колодцев Заблоцкий побывал в Хазры (в акции против лезгинов), Ахты, в 1841 году местом его пребывания стала Куба под Шах-Дагом, в том же году – Дербент и Шемаха. В 1842 году, после короткого побывания, в Тбилиси мы находим его следы

в Ларсе и Казбеги. Этот военный поход, называемый поэтом „экспедицией” длится восемь месяцев.

В то время Заблоцкий тяжело болел. Он пишет об аневризме сердца и тяжелой форме туберкулеза. Тем не менее он не был освобожден от участия в новых походах, хотя на этот счет есть разные предположения.

Почти все переживания тех времён отражены в его стихах, одно из которых называется *Кастийское море*. Однако никаких намеков на конкретное участие в действиях мы не находим. Вместе с тем поражает его неугасающее стремление к знаниям. Его интересует история и поэзия Грузии, он собирается писать очерк истории грузинской литературы на Кавказе. И если судьба сложилась согласно его ожиданиям, он несомненно занялся бы научной работой; увы, всему помешала ссылка, что характерно жизни почти всех польских литераторов, сосланных в Грузию.

Близкий контакт возник у польского поэта с Абас-Кули-Ханом Бакихановым, труды которого Заблоцкий переводил. Дружеские отношения Заблоцкого с русским поэтом Яковом Полонским отмечены им самим: „В Тифлисе познакомился я с польским поэтом Лада-Заблоцким. Он стал посещать меня, читать книги, переводить мне стихи свои – и опять зажег во мне неодолимую жажду высказываться стихами”.¹⁷ В этих кратких воспоминаниях проявляется характер Заблоцкого, вдохновляющего не только польских ссыльных поэтов. С именем Заблоцкого связан и еще один факт – содружество грузинского и польского поэтов: М. Туманишвили переводит на грузинский язык стихотворение Заблоцкого *Алазанская долина*, а Заблоцкий на польский – стихотворение друга, *Чаша*.

Таким образом, несомненно, в Тбилиси возник круг интеллигенции, принимавшей польского поэта, и это общение приняло характер обмена культурными ценностями, обоюдной „пропаганды” национальной поэзии.

Со временем Заблоцкий становится духовным главой поляков, пишущих на Кавказе. В 1845 году в Петербурге выходит том его *Поэзии*, составленный в Тбилиси, его итог поэтических исканий.

Вопреки опасениям Заблоцкого о скорой смерти от чахотки, его здоровье начинает поправляться, хотя в целом предчувствия

¹⁷ Я. Полонский, *Стихотворения*, Москва 1954, с. 15.

оказались, увы, верными. Заблоцкий выходит в отставку в чине подпоручика. Напомним, что дворяне – „политические преступники” могли именно на Кавказе дослужиться до офицерских чинов, а чин давал возможность выйти в отставку. Поэт думает о возвращении на родину, пишет о своем тяжелом материальном положении.

И вдруг в его судьбе происходит неожиданный, последний поворот. По-видимому, в конце 1846 года (у разных исследователей даты расходятся) он получает от М. С. Воронцова должность управляющего Соляными промыслами в Кульпах. В одном из писем к Крашевскому он пишет, что дела Грузии и Кавказа он воспринимает как свои личные: „...Если Бог благословит меня, я надеюсь принести большую пользу этой стране, а принимая управление с такой мыслью, я не знаю, удастся ли мне оставить что-либо полезное для нашей литературы” (письмо от 9 I 1847 г., Кульпы).

Эти слова подтверждают факт, что поляки считали Грузию своей второй родиной. Сказанное отнюдь не исключает того, что Заблоцкий и его коллеги мечтали о Польше и думали о своей жизни как о погубленной. Грузию же они считали родиной как бы в ином то ли жизненном, то ли душевном измерении, полюбив людей, заведя друзей и искренне желая принести пользу приютившей их стране.

Внезапная болезнь оборвала жизнь Заблоцкого в возрасте 35 лет. Он скончался в Кульпах от холеры в 1847 году. Газета „Кавказ” кратко сообщала о смерти управляющего копиями Т. Лады-Заблоцкого, „одаренного поэтическим талантом, достойным внимания”.¹⁸

Такова судьба поэта, названного современниками на его второй родине „управляющим соляными копиями”. М. Янион почти через полтора века справедливо назвала ее судьбой „национального мученика”.¹⁹

Так же рано скончались многие ссыльные, друзья Заблоцкого. Его друг, ссыльный, Леон Янишевский в 1849 году с искренней печалью подводит итоги: „Итак... Винницкий умер в лихорадке, Стшельницкий от воспаления кишок и дизентерии, Зах погиб, унесенный горным потоком и заваленный камнями, Заблоцкий умер

¹⁸ „Кавказ”, 1847, № 33, 16 VIII.

¹⁹ M. Janion, *op. cit.* s. 73.

от холеры...”.²⁰ Добавим – Потоцкий ушел из жизни далеко не старым, довольно молодым умер Анджейкович, в 30 лет – Петрашкевич, Чеплинский после ранения, еще в 1839 году, Михаловский погиб в бою... О судьбе многих других уже никогда не будет известно.

Анализируя судьбу польских „кавказцев”, нельзя не отметить значительного вклада в разработку этого вопроса грузинских ученых. Мы в нашей статье, из-за ограниченного ее объема, не в состоянии провести их подробного анализа. Однако желательно, хотя бы отметить краткие монографии Я. Цинцадзе *Материалы к истории взаимоотношений Польши и Грузии* и И. Хуцишвили *Из истории грузино-польских связей*. В своих диссертациях о „кавказцах” в частности писали Д. Челидзе и В. Оцхели. Диссертация польского ученого, проживающего в Грузии – С. Равича, является первым монографическим исследованием о Т. Ладе-Заблоцком. В ней, а также и в отдельных публикациях автора собран значительный материал, доступный исследователю в его время. В 1991 году была издана очень интересная монография М. Филины, в которой также и она в одном из разделов затрагивает анализируемый нами вопрос.²¹

Появление этих и иных работ, в которых затронуты частные стороны проблемы, позволяет исследователям нашего поколения обратиться к изучению судеб и творчества „кавказцев” на новом уровне.

²⁰ Z listu Leona Janiszewskiego do Wydawcy Pamiętnika, „Pamiętnik Naukowo-Literacki”, pod red. R. Podbereskiego, t. 2, nr 6, Wilno 1850, s. 121.

²¹ См.: Я. Цинцадзе, *Материалы к истории взаимоотношений Польши и Грузии*, Тбилиси 1965 (на грузинском яз.); И. Хуцишвили, *Из истории грузино-польских связей*, Тбилиси 1959 (на грузинском яз.); В. Оцхели, *Польско-грузинские литературные связи в XIX веке (до 1917 г.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, МГУ 1975; Дж. Челидзе, *Грузино-польские литературные взаимосвязи в XIX веке*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тбилиси 1971; С. Равич, *Жизнь и творчество польского поэта Заблоцкого в Грузии*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тбилиси 1971; С. Равич, *К вопросу об изучении жизни и творчества Тадеуша Лады-Заблоцкого*. Тезисы докладов научной сессии Тбилисского пед. института иностр. яз., Тбилиси 1968; М. Филина, *Грузино-польские литературные взаимосвязи XIX и XX веков*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тбилиси 1991.